

Дорогие друзья!

Этот сборник — наш шаг в стремлении объединить тех, кто всегда знал, что за русской весной обязательно придёт русское лето.

Переломные моменты истории всегда находят своё отражение в культуре. И в поэзии — в первую очередь. Мы считаем, что голос этих людей должен быть слышен.

С уважением и благодарностью, команда RT

ДМИТРИЙ АРТИС

В одночасье страна разделилась на две,
у обеих расквашена морда...
Светлоликие эльфы с дырой в голове
саранчой налетели на Мордор.

Небеса, будто веки, поднял доброхот.
По классическим правилам шахмат
светлоликие первыми сделали ход,
пока орки корячились в шахтах.

Присосались к земле озорным хоботком,
не стесняясь отсвечивать задом,
и пищат: «Выходите на драчку бегом
из рабочего ада.

Выходите, иначе дома подождём...
Только миру окажем услугу.
Как детей ваших вырежем, мамок и жён
с удовольствием пустим по кругу».

Где-то ёж копошился в зелёной траве,
одуванчик обнюхивал заяц,
расписная свистулька с дырой в голове
у плохого мальчика оказалась.

«Выходите, оценим бесстрашный порыв —
на осинах развесим повыше...»
И к полуночи, смену на шахте закрыв,
орки взяли да вышли.

Распаханы земли украинским градом,
но мы, не теряя осанки,
шлифуем равнину победным парадом
на русском обугленном танке.

Враги убегают, вздыхают на ладан,
бросают в окопах берданки,
но мы, наступая на пятки снарядом,
любого догоним на танке.

Бегут без оглядки, кто лесом, кто садом,
теряют портки и портянки,
но мы уже близко, но мы уже рядом
на русском обугленном танке.

Бегите по краю хоть в дальние грани,
поймаем и скрутим в баранку.
За каждую рытвину русских окраин
ответите нашему танку.

Воронку к воронке оставили б***и,
равнина с лица, как с изнанки,
но мы эту землю по-братски пригладим
на русском обугленном танке.

Открыв
сто тысяч
пятьсот каналов,
листаю сводки
до темноты...

Где «перемога»
не проканала,
там на бульварах
уже цветы.

Листаю:
ахтунг
и «знову зрада» —
накал истерик
штурмует высь,

а здесь пейзажи,
изгибы сада,
земля и небо —
в одно слились.

Записан ролик
не военкором,
а так,
проходим,
и брошен в сеть.

Теперь висит он
смешным укором
тому, кто прочил
России смерть.

По дну окопа
легла протока,
и слышен ясно
девичий смех.

Кому-то «зрада»
и «перемога»,
а нам победа —
одна на всех.

Готовимся к долгой войне
и впрок запасаемся гречкой.
Завёлся сверчок по весне
за микроволновою печкой.

Стрекочет, как будто один,
весь мир у него в саквояже,
а мы собрались в магазин,
пока ещё гречка в продаже.

Попробуй не ведать вины,
стыда не почувствовать, если
за микроволновкой слышны
сверчка беспечальные песни.

Торопится тот, кто ведом,
притянут к ноге за верёвку,
и мы покидаем свой дом —
купить про запас упаковку.

Ничто так не будет смущать,
как песня, горящая свечкой,
о том, что жива благодать
за микроволновою печкой.

Отречённые братья выходят на свет,
по бесчестию каждый разут и раздет,
и, прикрыв наготу ароматом,
улыбаются встречным солдатам.

Ковыляют неспешно один за другим,
озираясь по-детски как будто благим
и таким непосредственным взглядом,
что никто не ударит прикладом.

Безобидные люди, хоть пальцем крути,
но торчат вместо рук роковые культи,
где набиты, как ценник на пластик,
череп в обрамлении свастик.

Святым оставим футбол и пиво,
а сами в пекло пойдём красиво.
У барной стойки не ждут мессию.
Плохие парни спасут Россию.

Не надо больше домашней каши.
Пусть на шевронах подруги наши
так улыбнутся, что обессилен
умолкнет сладкоголосый Сирин.

Пока святые — не то что парни,
а так — печеньки от мишки Барни,
расскажут байки про аннексию,
плохие парни спасут Россию.

Обвисло небо, земля в растяжках,
нас очень много, и мы в тельняшках.
Святые дома сидят в пижамах,
носы в повидле да яд на жалах.

Такие люди не знают жизни,
им непосильна любовь к Отчизне.
И пусть святые подобны змию,
плохие парни спасут Россию.

Со всех сторон предатели,
кругом одни враги...
Сто лет стоят у матери
в прихожей сапоги.

Отцовские, как новые,
с калошами рядком,
подошвы коронованы
железным каблуком.

На старте, что на финише, —
один потенциал.
Я раньше даже выпивший
сапог не надевал.

Отечества и отчества
ни разу не сменил.
Отец мой вроде плотничал
и пчёлку разводил.

У горизонта пасмурно.
Мне издали видать
разграбленную пасеку
и вражескую рать.

Играть судьбе изломанной
в бездомного щенка.
Горит, как зацелована
предателем, щека.

И жизнь ещё не прожита,
не набраны долги,
но я иду в прихожую
примерить сапоги.

ДЕТСКОЕ

Селу
сегодня
повезло,
бойцы
зачистили
село.

Другому
так же
повезёт,
в него
зайдут
бойцы
вот-вот.

Потом
военная
метла
зачистку
третьего
села
начнёт,
и будет
чисто
на свете
без
фашиста.

В миру ли на ветру, в молитвах и борьбе
я точно не умру от жалости к себе.

Как три копейки прост, продлив отца и мать,
я буду в полный рост безвременье встречать.

На вороном коне без отдыха и сна.
Удача будет мне, как женщина, верна.

Под орудийный бит, открыв клыкастый рот,
архангел протрубит победных восемь нот.

С поддержкой огневой в пыли святых дорог
вы будете со мной, и с нами — русский Бог.

Солнце темнеет, когда
в самой красивой воронке
дети хоронят кота,
бантик стянув на картонке.

Слышали шум за версту,
будто взрывались пакеты.
Ночью могилу коту
вырыл кусок от ракеты.

Мальчики слёзы не льют,
век у товарища краток.
Тучу расчертит салют
из деревянных рогаток.

Девочки сжались в комок,
топчут сандалики глину:
«Как же ты, как же ты мог
верных подружек покинуть!»

А высоко над землёй,
сдвинув сердитые брови,
кто-то большой-пребольшой
новый лоток приготовил.

Блажен погибающий в первом бою,
с собой даже мухи не взявший.
Я родину самозабвенно люблю,
как полную грудь комиссарши.

На плечи закинув ручной пулемёт,
оправлю на кителе складки.
Куда комиссарша меня позовёт,
туда и пойду без оглядки.

Посажено солнце на маковку дня,
гудит, как встревоженный улей.
В открытом бою не уйти от меня
прицельно метнувшейся пуле.

Солдат из меня по всему никакой —
высокие берцы на замше,
зато, погибая, прикрою собой,
как родину, грудь комиссарши.

Если вечером выйдешь на запад,
то под утро придёшь на восток.
Будто юбка у барышни, задран
этой пёстрой землицы кусок.

Кто ходил, тот уже не расскажет.
Только ветер до нас донесёт
вместе с запахом крови и сажи
аромат азиатских широт.

Немытые руки раскинув,
как чёрт от любви вереща,
вернётся на родину Киев
откушать с устатку борща.

Хромая на правую ногу,
протиснется ближе к столу
и скажет: «Насыпьте немного
борща дорогому хохлу».

И будет плести небылицы
в кругу сердобольных мещан
о том, как худел за границей,
скучая по русским борщам.

О том, как чужбина достала,
как недруги выгрызли бок...
Наевшись борща до отвала,
уснёт головой на восток.

А завтра, от наглости взмокши,
в обед изогнётся плющом,
подсядет к русне или к мокше
и плюнет в тарелку с борщом.

Пока ревёт
столетним кедром
войны
разинутая пасть,
хочу семейную
легенду
вам рассказать
не торопясь.

Мы забываем
в суматохе
о том, что
рождены людьми,
и в обезумевшей
эпохе
найдётся место
для любви.

Земля
плотнее каравая
казалась каждому
бойцу,
когда Вторая
мировая
шла к очевидному
концу.

В Европу
съездивший
без визы,
в день завершения
войны
мой дед улыбку
Моны Лизы
набил себе
на полспины.

Не ведаю,
в какой газете
каких
поверженных
племён
он репродукцию
заметил
и был изрядно
впечатлён.

Домой
вернувшись
к сенокосу,
работал в поле
без прикрас,
рубаха вымокла
до сноса,
и дед рубаху
снял на раз.

Сельчане
выпучили зенки,
увидев деда
со спины —
они узнали
в иноземке
девчонку
с нашей
стороны.

Не надо
патоки
сердечной
под выцветавшей
луной.
Женись на той,
что будет вечно,
как чувство Бога,
за спиной.

Судьба скучает
без каприза.
Мальчишник был
в кругу друзей,
где перебили
«Мона Лиза»
на вензель
бабушки
моей.

С тех пор
что только
ни бывало,
но в службе ратной
и в труде
у деда
на спине сияла
одна улыбка —
Анны Д.

БОРИС БЕРГИН

ПОСЕВНАЯ

Постоянно думаешь: только бы не началось.
И под сердцем колется ноющий ржавый гвоздь.
Фронтные сводки с полей, а хочется посевной.
Постоянно думаешь: ну это же не со мной.
Это где-то в книжках, кино, далёком чужом краю.
Что бросаешь в землю весной, то осенью соберут.
И хотелось сытное в землю бросать зерно,
Зарастай зелёной травой, злобой прорытый ров.
Говорит мне сын: «Вот с этими прадед мой воевал».
Почему у весны опять звериный такой оскал?
Почему слетается вновь чёрное воронье?
Только эта земля моя, а я не отдам моё.

2014

ЖЁРНОВ

И когда захочешь границей отгородиться,
Повторяя: «Не сторож я, Господи, нет, не сторож», —
То беда вернётся в твой дом, как всегда, сторицей,
И болит, так болит, за какую струну ни тронешь.
И пока ты прячешься, где-то приносится жертва —
За отсрочку недолгую, за мимолётность покоя,
Беспощадный уже запущен неждущий жёрнов:
Перемелет в муку — то нехитрое дело такое.
Раскроили рвами землю Войска Донского,
Но в степи не скроешься — степь навсегда едина.
И здесь общая память и общие путь и Слово,
Знамя деда поднимется в небо руками сына.
Только б не было поздно, на чашу весов небесных
Не легло бы предательство каиновой печатью,
И не стало б в земле от могил свежевырытых тесно.
Не зависла б рука: в книге жизни тебя отмечать ли?
Тонкой нити родство над какой нас бездной держало,
Проходила орда — выживал, кто не встал на колени.
И сегодня решается — будет ли вырвано жало
Или завтра ковыль зазвенит над великим забвеньем.

2014

МОСКОВСКОЕ

*У кого под перчаткой не хватает тепла,
чтоб объехать всю курву-Москву.*

*На Красной площади всего круглей земля.
О.Э. Мандельштам*

Трамвайной вишенкой и костью в колесе
Ты приобщаешься, и ты живёшь как все,
И на крови твоей всемирная история.

Пальмиры арка на учебнике твоём,
Снаряд тяжёлый, разрушающий твой дом.
И как мы жили до войны, о чём мы спорили?

И в этом городе, не верящем слезам,
Чьё время кончилось, кому сказать «слезай»?
И будет очень тяжкой поступь командорова...

Как много в звуке... но надежды больше нет,
Её снарядом разорвало на войне,
А так, конечно, начиналось даже здорово.

На Красной площади круглей всё и круглей,
Руин всё больше в остывающей золе,
И центр мира где-то к Горловке смещается.

Смерть на миру, онлайн, краснеет монитор,
Уже шагнул (зачем позвали?) командор...
Давай на выход соберись уже с вещами сам.

Объедешь курву? Если есть ещё тепло.
Пока ты дышишь, значит, снова повезло.
Бывало тоже страшно, но подлей бывало ли?

Уж полночь близится... и донна Анна ждёт,
Пусть только это ожидание спасёт,
Ещё спасёт, пока возможно, хоть бы малое.

Да что ж такое, слышишь, страшная пора
Никак отсюда не уходит со двора,
И каждому свой век, свой волкодав, достанется.

Кому кровавый, ну а прочим — покемон,
И можно долго ждать, что всё пройдёт само,
Но этот век (кому какой) ещё до ста нести...

Тебя опять спасёт неспящий у окна,
Степь от воронок круглых сверху как луна,
А если ближе, то вся чёрная от копоты.

Москва, Москва, несчастный воробей,
Она не верит, ну а ты её жалей...
И сходит небо, постигаемое опытом.

2016

НА КРАЮ

Доживём до Пасхи, а там и Троица —
Отец Александр не благословил умирать.
Закрылась дверь, говорят, что другая откроется.
Когда стоишь один на краю, думай: «За нами рать».

Там и Троица — будут склоны круч все лиловые,
Чабреца у нас — аж до самого Неба дух.
На ветру стоять — это быть и битым, и ломаным,
Но за битого здесь небитых дают сразу двух.

Доживём, конечно, — куда мы денемся.
Кому, кроме нас, нужна эта степь да степь.
Простояли ночь — это значит, что день еси.
А вокруг всё могилы — Саур ли, Острая,
И здесь плавится сталь, а живое убить не просто вот:
В каждом раненом дереве тень Спасителя на кресте.

И кому оборонить эту землю рыжую —
В ней ведь столько крови, ни в какой другой больше нет,
Защищать и пахать — потому мы, конечно, выживем.
Степь да степь, если смерть кругом, жизнь особенно здесь в цене.

2019

ОДНО И ТО ЖЕ

я пишу об одном и том же — кругозор мой узок,
я не знаю ни древних, ни новых каких-то греков.
что я там читал-то? дон кихота и робинзона крузо.
я всё знаю только про мельницы и что дважды не входят в реку.

что армия стреляет второй раз уже не в свой народ,
что у убийцы не просят амнистий просто.
что я знаю-то? как снаряд падает в огород
и воронка бывает в два человеческих роста.

да о чём я пишу? я кондовый, как советская песня,
там, где пули свистят по степи и журавли тебе держат место.
это не ко мне, серьёзно, если вам надо поинтересней —
я читаю сводки модной писанины вместо.

что я знаю? как вмиг лишаешься дома и прежней жизни
и считаешь, что повезло, другим было намного хуже.
нет ничего интересного в моём соцреализме,
в мире креатива и мейнстрима на кой он нужен.

я пишу об одном и том же, не для изысканных книголюбцев,
только позывные для тех, кому тоже невыносимо.
у кого всё спокойно, но хочется погорячее —
не читайте, идите мимо.

2019

НЕ БОЛИТ

Дуне Шереметьевой

Говорят, что не может пять лет болеть,
Говорят, Господь с вами, какая боль.
И ещё, что есть на крайняк балет...
Если под ногами качнётся пол.

Милосердна память, и время док
Забинтует, спирту в стакан плеснёт,
Не болит, иначе бы ты не смог
Удержать сурового неба гнёт.

Говорят, что так выгорает всё,
А иначе просто сойдёшь с ума.
Не считай, как вертится колесо —
Лето, осень, осень, опять зима.

И идёт здесь жизнь год считай за пять,
Вот и ты идёшь и опять идёшь.
Повторенье, мать, снова повторять,
Снег идёт и дождь, снег идёт и дождь.

Ну а если «Град», то здесь знают все,
Как летит, как падает, как звучит,
Сколько смерти в чёрном его свинце,
И кто будет меч, и кто будет щит.

Говорят, совсем уже не болит,
Встань и делай молча, что можешь ты.
Просто держит мир этот край земли,
И не знают здесь, что такое тыл.

Говорят, не можешь, а всё живёшь,
Говорят, не веришь — вложи персты.
А узнаешь правду — поймёшь, где ложь.
Вот и Бог с тобой или с Богом ты.

2019

ВСЁ НОРМАЛЬНО

у меня всё нормально. душевная боль не в счёт.
я одет по погоде, не голоден, жив... ещё.
надо мною не каплет, не падает, не печёт.
даже ангел ещё за плечом.

пролетают пока заплечных дел мастера,
ну и что тут такого, что вместо души дыра.
о душе не пишите, о крыльях — и всё пройдёт.
а не скажешь на чёрное белое — идиот.

в идиотском полку отставной барабанщик был,
может быть, счетовод и считал — всё гробы, гробы.
на Матфеевом списке писал — здесь был дом, и здесь,
кем бы ни был, да только вот вышел весь.

на куски разлетаясь в каждый обстрел, прилёт,
всё же, сука, дышу ещё, чёрт меня не берёт.
я все даты запомнил по накалу обценных слов.
ну и как там на небе, скажи, неплохой улов?

на гибридной войне сам становишься вроде рыб —
не доносится звук из забытой такой дыры.
чем туманней вблизи, тем более даль ясна.
зарастают окопы травой — и у них весна.

у меня всё нормально. и нечего мне менять.
и бояться не нужно меня или за меня.
я дышу, говорю и, в общем, совсем неплох.
у меня всё нормально... да лучше б сдох.

2019

ДОНЕЦКОЕ

Говорят, что у Данта над кругами адскими
 Был ещё рай, но кто до него дочитывал?
 Какие времена, такие и рифмы солдатские,
 Защити себя сам какой умеешь защитою.

Нам выдавали полдень, и небо его было ласковым,
 Но нам казалось тесно, мало, не слишком розово.
 А когда всё стирают таким сумасшедшим ластиком,
 Вдоль какого неба теперь мы пойдём с вопросами?

Если верить Данту, небес так же девять навёрчено,
 Святость тоже делится — на чистых и кто попроще.
 Пусть меня не ждёт ни в одном никакая женщина,
 Пусть все живут... пусть живут и никогда не ропщут.

Что нам рай, куда не пускают даже Вергилия,
 И, куда ни ткнёшься, места под солнцем все заняты.
 То, что нас не минует, как знать, может быть, помилует.
 В город мины летят, а розы — по расписанию.

И они всё такие же — алые, белые, чайные,
 Только небо другое, наверно, круги перепутали.
 Если смерть ходит рядом — живёшь раза в два отчаянней,
 Розы тянутся к небу, любому, колючими прутьями

Из надёжной земли, где спасительны ямы и рытвины.
 Здесь последняя вера, что мелют Господни мельницы.
 Тот, кто любит, — любим. Небеса нынче настезь открытые.
 Медь звенит, и кимвалы звучат... души метаются.

2019

КАК НАЗЫВАТЬ

был бы моложе — назвал бы тебя джульеттой,
был бы испанцем — точно тогда дульсинеей,
а здесь у нас такое адское лето,
и васильки смертельно синеют.

жил бы я в сочи, не помню уже, что знал бы,
где она, правда, и кто ещё носит прада,
а здесь опять через сердце проходят залпы —
сто двадцать второго калибра мины и «Грады».

звать бы тебя голубкой, да снова сносит...
драму не эту, заглядывать бы к макбету,
но сводки читаю, повёрнуты сумрака оси,
врут договоры, к чёрту летят обеты.

кем бы я был, если бы звал тебя дарлинг,
на берегу темзы какой мёрз бы...
всё нам дают займы, ничего не дарят,
здесь и река, если донец, то мёртвый.

звать эсмеральдой? — тесен для нас париж-то.
у нас бесконечен цыганский размах дороги,
небо бездонно, в котором легко паришь ты —
можно тебя крыльями только трогать.

всё, что не смерть и война, здесь кажется книжным;
помню, когда-то наоборот было.
как мне тебя называть, чтобы просто выжить
в лето шестое без берегов и тыла?

2019

ЛЕТАТЬ

Ты учишь меня летать — научи меня падать,
Соломку мне не стели — пусть упал-отжался.
Когда за спиной враги, за углом засада,
Учи меня забывать, что такое жалость.

Когда погиб командир и застава пала,
Когда устали считать, сколько там зарыто,
Ты учишь меня летать — ни много ни мало,
Как будто бы в небе можно найти укрытье.

Раскрыты земля и небо до ада и рая,
Стоящим в степи до них одинаково близко,
Когда под шквальным огнём города сгорают
И падают навзничь разбитые обелиски.

Ты учишь меня летать — не учи терпенью,
Всегда побеждает тот, кто нетерпеливей,
Когда идёшь долиною смертной тени,
Как будто идёт над землёю весенний ливень...

Ты учишь меня летать — я учусь влюбляться,
Я так не умел, пока всё внутри не выжгло...
Вот делаешь шаг, и можно взлететь над плацем,
Войной и бедой, полем боя — всё выше, выше.

2021

ГОВОРИТЬ ЯЗЫКАМИ

*Если я говорю языками человеческими и
ангельскими, а любви не имею, то я — медь
звенящая или кимвал звучащий.
I Кор. (13:1) апостола Павла*

Мы с тобой виноваты уже только в том, что живы
В этом времени лживом войн заказных и смут.
Если я говорю языками чужими,
Как ты думаешь, может, меня поймут?

Больше ангельских нет языков, человеческих тоже,
Всё смешалось, и слышится только язык врага.
Что ещё мы с тобой в этом мире можем,
Если млечная речь нам по-прежнему дорога?

Да, я знаю, в войне не бывает, чтоб все невинны,
Только кто-то напал, а другой защищал свой дом.
Но дойдём до какой-нибудь середины,
Если говор чужой через площадь переведём?

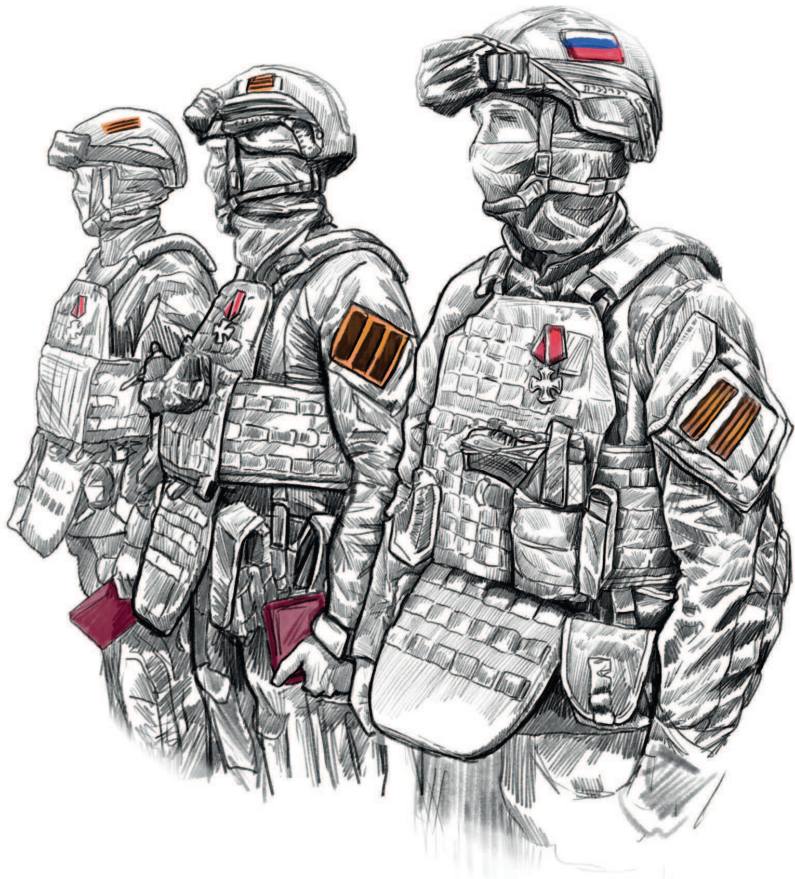
Знаешь, я говорил, что когда-то услышу песню
На таком языке, что снаряд направлял в мой дом,
И заплачу от этой тоски неместной,
Только вот не сейчас, а (быть может) потом.

Если нет здесь любви, бесполезно кимвал бряцает,
Так бряцают кинжалы, оружие, зброя, беда,
Сыновья расточают, что собрано было отцами,
Не имеет синонимов горькое слово «предать».

И звенящая медь тщетно сердце стремится измерить,
И пусты все пророчества — будет, что быть суждено,
Остаётся лишь та, что больше надежды и веры,
И на всех языках говорит об одном.

Я хочу говорить о любви языками всеми —
Ковылём шелестящим, тёплым грибным дождём.
Если станут землёй все, кто ляжет однажды в землю,
Может быть, мы друг друга сейчас поймём?

2021

МАРИЯ ВАГУТИНА

На костылях. В бинтах ступня.
Прошил осколок у Каховки.
Глядит смешливо на меня,
Стишки читавшую в столовке.
Загар, похожий на броню.
Досадует на попаданье.
«А хочешь, маме позвоню,
Когда вернусь в Москву с заданья?»

У вас тут есть с роднёю связь?
Скажу, жива её пропажа».
А он отвечивал, смеясь:
«Не-не, она не знает даже.
Мы бережём. —

Он бросил взгляд
На раскуроченную ногу. —
Про это знает только брат».
И мы отправились в дорогу.

Я думала за часом час
Про дагестанского героя,
Который жизнь свою отдаст
Для материнского покоя.
Прощаясь, я ему: «Родной,
Ну, ты орёл!» А он с подскока:
«Ведь это же мой позывной...»
Так он признал во мне пророка.

АГИТБРИГАДА

И я внести хотела лепточку
Живым курком, взведённым в слове.
Летели бортом мы за ленточку.
Но кто-то выходил в Ростове.

Гуляли, спешившись, по лётному.
И шли кормою к фюзеляжу
КамАЗы с ящиками плотными
И прочей фронтальной поклажей.

Майор, с которым там мытарились,
Кивнул на ящик: — Дальше вместе.
А ты-то знаешь, чем затарились?
Ответила ему: груз двести.

Стрельнул сигарку несерьёзную.
Кивнул, мол, знаешь, уважаю.
И полетели мы по воздуху,
До неба мёртвых провожая.

Из-за обстрелов нас за ленточку
Не повезли, в Крыму сгрузили.
Но наши дали им ответочку
И дальше — жили, жили, жили!

ЛЁТНЫЙ ПОЛК. ЗАРИСОВКА

Мы выступали в лётной части
На фоне подуставших “сушек”.
Собрали техников ворчащих
И двух старушек.

Все слушались команды зама
По политической работе.
А остальные были, знамо,
Уже в полёте.

Но не успели депутата
Дослушать мужики, как строго,
Назойливо, продолговато
Взвилась тревога.

Должна покаяться — струхнула.
Не то чтоб кинулась метаться,
Но смертью, в общем-то, пахнуло.
Не отмахаться.

От нашего репертуара
Остался пшик. Неважно это,
Когда, по сведениям радара,
Летит ракета.

Стоишь и ждёшь, когда пустое
То небо, что надеждой правит,
Своей мозолистой пятою
Тебя раздавит.

Потом тревогу отменили
Тремя сигналами в прокрутке.
Точней, двумя. И все шутили,
Что обсчитался тот, кто в рубке.

Смеялась замполитша Вера,
Хорошенькая, как с картинки,
И Золушкиного размера
На ней военные ботинки.

Худая, дряхлая на вид,
Совсем иссохшая зимою,
Чужая мать в саду стоит
Над раскучуроченной землёю.

Дай обниму тебя, прижму,
Поглажу кукольные плечи.
Засею землю по уму,
Затеплю в доме печь и свечи.

Не ты ли вышла на задки
С отцовским знаменем советским,
Когда здоровые сынки
Пришли к своим задворкам детским?

Не твой ли флаг топтали тут,
Смеясь, подмётки вытирали?
И «куры, млеко и капут»
Тебе, затравленной, орали.

Чужая матушка моя,
Не пяться от сыновней злобы.
Твои дурные сыновья
Забыли свет твоей утробы.

Терпи и боль свою таи,
Считай, что это просто глупость.
Но тихо: «Это не мои», —
Она ответила, потупясь.

Я горе видела в упор,
Но равных нет минутам этим,
Как выносила приговор
Чужая мать родимым детям.

Они стреляли по донецким.
Они стреляли по луганским.
По сношенным пинеткам детским.
По каблукам и сумкам дамским.

По одеялам и подушкам,
Ночнушкам, шортикам, пижаме.
И в класс, где запрещённый Пушкин
По-русски говорил стихами.

По толстым словарям толковым,
По тощим козам, по колодцам,
Они стреляли по торговым
Палаткам и по огородам.

Они не подходили близко,
Стреляя в школьницу у дома,
Она была сепаратистка,
Она абстрактна, незнакома.

Невидимы в прицеле пушки
Её косички и ладошки,
Её забавные веснушки,
Припухлые её губёшки.

Но в том абстрактном артобстреле,
Закрыв глаза на все детали,
Они — её убить хотели,
Они — по ней в упор стреляли.

С остервенением немецким,
С особой слабостью к гражданским,
Они стреляли — по донецким,
Они стреляли — по луганским.

Шёл солдат мимо шахт и пожарища,
На броне по лесочкам катил,
Восемь лет хоронил он товарищей,
Восемь лет у родни не гостил.

Его землю дырявили бедами,
Выжимали в чужой окоём.
«Только мы, — говорил он, — отседова
Никуда никогда не уйдём».

Старики на груди его хлюпали,
И светлели посёлки вдоль трасс.
Вот сажают цветы в Мариуполе
И завозят учебники в класс.

И чужая худющая матушка
Припадает на бронезилет:
«Вы теперь не уйдёте, ребятушки?
Не уйдёте? Не бросите, нет?»

Отвечал, наклонившись, как к маленькой,
Обещая откинуть врага.
Восемь лет он не виделся с маменькой,
До которой уже два шага.

Две положенных в степь батареечки,
Чтоб светилась священная степь.
И товарищ с осколочным в темечке,
И встречающих пёстрая цепь.

Это родина. Вот его родина —
До колонки всего дохромать.
Дом разрушен, и мать похоронена.
Надо новую жизнь поднимать.

Если мы освобождаем Донбасс,
То и Донбасс освобождает нас.
Протирает оконце пыльное — вот, гляди:
Лупят по крышам грибные дожди,
Светятся кромки заборов, кочки дворов,
Светятся даже рога у коров,
Отливают белым светом бока
Утренней Зорьки, светятся облака,
И в ведре молоко, блики бегут по стенам.
Пахнет кошеным лугом, постельным сеном,
Слышится песня сторожа, пастуха ли,
Светится музыка искренними стихами,
Ты к любви возвращаешься, оживаешь,
Из пепла встаёшь, к небесам взываешь:
Нам прибавилось силы, приросло, открылось,
Русское вона где сохранилось!
Вона где уберегли, что всего дороже!
Какие они тут красивые люди, боже!

Бабушка, вставай. Бабушка, одевайся.
Настя — уже. И Аня внутри моего девайса
Едет в пыли дорожной от дома к дому,
На груди котят.
Мы победим по-любому.

Бабушка, поднимайся. Страна огромна
Поднялась уже, когда вероломно,
По восходящей звери Донбасс крушили.
Бабушка, мы ошибку не совершили.

Дашь им июнь, они откусят четыре года.
Там такие мальчики, хоть в огонь, хоть в воду!
Мы не наступаем больше на грабли.
Но что нам делать с валом всемирной травли?

С внутренней сволотою? С ханжеской немотою?
Бабушка, справься с мраморною плитою
И вырастай над миром с марлею и жгутами.
Помнишь, ты повторяла: «Победа будет за нами».

С февраля сошла грязноватая наледь, с марта
Почернели наши дома и моя сим-карта,
А в апреле пошла зелёнка, земля разверзлась.
Бабушка, воскресай давай на поверхность.

Мы, как стебли, выстреливающие за почкой почку,
Прорастаем, мёртвые, через тугую почву,
Мы поднимаем голову, нас начинают слышать.
Скоро мы будем княжить — скоро мы будем кнѣжить.

Память вернѣтся, правда взойдѣт над пашней
О Второй Великой Отечественной, воссоздавшей
Нашу родину, чтобы писалась слитно.
Просыпайся, бабушка, мне уже не стыдно.

САША

После стихов и музыки он дрожит.
Видимо, разбудили, разбередили.
А в амбразуре рта у него лежит
Пена и ненависть.
— Видел я вас в могиле!

Он негодует, сильно его трясёт.
— Всё, — говорит, — неправда и подтасовка.
И отбегает.
— Да погоди ты, чёрт.
Что там с тобой такое? Беда? Рисовка?

Двор госпитальный бродит как чайный гриб.
В нём пузырится солнце, мутнеют тени.
Он возвращается, чёрным углём горит.
Плачет почти, но не говорит по теме.

Этот донецкий снайпер кровоточит.
Точит его обида с блажным упорством.
Разве ленивый только не уличит,
Не попрекнёт судимостью и притворством.

Дело состряпав, в гору пошёл следак,
Где-то в Воронеже суд тасовал колоду.
Вышел — и в добровольцы. И он вот так
Дальше пошёл трубить за свою свободу.

В смысле уже глобальном — за ДНР.
Он и хотел свободы вот этой справной.
Только обида режью взвивает нерв.
Он и теперь гуляет ещё со справкой.

— Нету на свете правды, — почти кричит,
Загнанным зверем смотрит на старый яшень.
Эта недосвобода ему горчит.
Что я им тут читала? Что мир прекрасен?

Тó-то его накрыло взрывной волной.
Даже главврач обходит его задами.
Сколько же нужно терпкой любви земной,
Чтобы вкопаться с оптикой за садами

И защищать полгода клочок земли,
И ни гу-гу... ну, разве сегодня только.
Видимо, вирши чёртовы подмогли,
В смысле спустить пары, а не в смысле торга.

— Саша, ну жить-то надо, ну как-то, Саш.
Вдруг улыбается пенной улыбкой глыбы.
— В целом-то мир прекрасен.
И он дренаж
Трогает сбоку.
— А за стихи спасибо.

А у нас в России газ.
А у вас?
А у вас в Европе сглаз.
Да-с.
Говорит немецкий канцлер,
Что кончается запас.
Ветер кончился в полях.
Ах!
С удобрениями швах!
Ах!
Зона личного комфорта
Обнулилась в головах.

Эту зону мы займём.
Омम्म!
И с Кантарией вдвоём
Флаг Победы вознесём
Над условным над Рейхстагом.
Жми, история, зигзагом,
На броне рисуя знак.
Боже, дай ума салагам,
Если с газом порожняк.

А у нас в России нефть —
Хоть залейсь.
Нам конца и края нет.
К нам не лезь.
В нашем гербе вот ё филингс?
Птица Феникс, птица Финист
Не сдадут гнезда.
Занято, балда.

До свиданья, мистер Бóрис,
Закругляйтесь, мистер Сорос,
Джо, не лезь на трап:
Там танцует Трамп.
А из нашего окна
Плешь Зеленского видна.
Ну, а вашим байрактарам
Безусловная хана.

Нам в России, всем европам
Назло,
Наконец-то и с вождём
повезло.
Бог ни разу не Тимошка —
Разбирается немножко
В правилах войны.
Это чья в евроокошко
Лезет к нам большая ложка?
Целься, пацаны.

«Ну, подсаживайтесь, что ли, ко мне:
Каин слева, Авель справа — под бок, —
Говорил на небе Бог,
Говорил усталый Бог, —
Перетрём о восьмилетней войне».

И садились через стол сизари,
Две обоймы про запас папирос.
Каин финку на поднос,
Авель хлебушка принёс.
Третий спирта наплескал в стопари.

Затянуло гарью весь небосвод.
— Вам же сказано на вечность вперёд:
Ты возделываешь рожь,
Ты овец своих пасёшь,
На досуге продлеваете род.

Помнишь, Каин, я спросил, где твой брат?
Ты расстреливал как раз тот парад,
Где фильтрованный «Азов»*
После каялся с азов,
Только не было дороги назад.

* «Азов» — организация признана террористической по решению Верховного суда РФ от 02.08.2022.

И не в том беда, что ты сгорячил.
В том беда, что ты ведь шанс получил,
Распластавшись по земле,
О грехе взрыдати мне,
Может, я бы убивать отучил.

И ходить тебе теперь в сторожах,
И не быть тебе ни с кем на ножах, —
Говорил горячий дед,
Говорил суровый дед,
В гимнастёрке полевой с буквой Зет.

Взял клинок убитый Авель в скорбех:
— Как же мне тебя теперь возлюбить?
Как о мире вострубить?
Разве хлеба нарубить,
Чтобы досыта хватало на всех.
Чтобы Господа хватало на всех.

В человечьи норы горы Печоры
Заплывает рыжий огонь свечи.
Запирайся, братия, на затворы,
Уходи под землю. Сиди молчи.

Запрещают, хватит, откуковали,
Тыщу лет за грешных мозолив лбы.
Заходи в пещеры, сиди в подвале,
Не сдавай хотя бы свои гробы.

Там, где мощи Нестора Летописца,
Проводи молебны, пока злоба
Легионы гонит в ворота биться,
Да спасут вас древние погреба.

Китеж-град ли, Киев ли град, под дёрном
Литургическим забываясь сном,
Разольёт над Лаврой щитом соборным
Свой басовый хор о конце земном.

Под горой река, из реки на склоны
Выползают брёвнами Перуны.
А для капищ надобны полигоны
И кострища выжженных вёрст войны.

Ну, кого ещё на закланье, Рада,
Паханам-язычникам ты несёшь?
Помолитесь, братья. Молиться надо.
Потому что душу-то не убьёшь.

Потому что образа и подобья
Не лишит нас даже пещерный спуд,
Где по стенам русских святых надгробья,
А точней, ковчеги. Они спасут.

Р. С. В конце марта 2022 года в Верховную раду Украины внесён на рассмотрение законопроект, предлагающий запретить в стране «деятельность Московского патриархата — Русской Православной Церкви и религиозных организаций, которые являются частью Русской Православной Церкви, в том числе Украинской Православной Церкви».

ЕГОР ВОРОНОВ

DE LA PAIX

На паперти неба безрукие с хлебом,
ругаясь молитвой
почти позабытой,
хоронят голубку в ковчеге-скорлупке.

А та, вырываясь
сквозь ярость и жалость,
сияет,
мерцает
и ярко пылает
огнями проспекта
и боекомплекта,
раздевшего город
в период разборок.
С осколками лета, наколками века,
уехав из дома
на грани излома
без цвета,
без вкуса
в пространство искусства,
мы просим от неба ещё корку хлеба.
Но солнце, нас зная, скупых попрошаек,
кивает
за чаем
и вновь угощает
объятъем прощенья, суля возвращенье
в пустые пироги, плывущие к Богу.

Вот только голубку, убитую в шутку,
мне жалко до страха,
она под рубахой
жила у меня...